

ПЕРЕВОДЫ

Альбион Смолл

ЧТО ТАКОЕ СОЦИОЛОГ*?

Аннотация. Альбион Смолл – глава первой в США и в мире университетской кафедры социологии (1892 г.) и основатель первого профессионального журнала социологов (1895г.). Борясь с неверными представлениями широкой публики и ревнивыми предубеждениями специалистов более старых и давно признанных общественных наук за самоопределение социологии, он пытается уточнить, что значит быть социологом. Вопреки мнению публики надо отличать социологов от практических работников социальной сферы и не сводить деятельность первых к посещению трущоб, организации благотворительности, опеке над неимущими и другими социально неуспешными элементами. Специфика занятий социолога не сводима и к остаточным конкретным темам, не затронутым другими общественными науками. Эту специфику следует искать в использовании определённого метода изучения социальных фактов. Метод этот автор называет философским, но его описание приближается к тому, что позже стали называть системным подходом. Решающий пункт социологической позиции по Смоллу состоит в искусстве рассматривать и оценивать любой частный аспект или фрагмент социальной жизни в прошлом, настоящем и будущем в его отношениях и взаимовлияниях с остальными проявлениями человеческой жизни в целом. Такой «искусник» имеет право на звание социолога даже независимо от самоназвания экономистом, политологом и т.д. В свете этого, предельно общего, определения метода автор различает типы (видовые категории) социологов: от генерализующих, занятых самыми широкими обобщениями, до заинтересованных в каких-то насущных конкретных улучшениях, но соблюдающих стандарты научного метода. В конце статьи рассматриваются вопросы соотношения профессионального «технического» языка социологии и обыденного языка восприятия социальных фактов публикой, а также опасные злоупотребления, провозглашаемые от имени социологии и подстрекающие к идейно незрелым массовым движениям. Автор призывает ограничиться на начальном этапе становления социологической науки задачей разработки точных формулировок социальных проблем и обоснованных методов их решения.

Ключевые слова. Социальный факт, социолог, философ, метод социологии, профессиональный язык социологии и обыденный язык.

Американская общественность вообще и чикагская в частности недавно пережила приступ интереса к определению родовой принадлежности «социолога». Наш уважаемый президент дал повод к этому, назначив в Комиссию по урегулированию забастовки шахтёров на место, которое намеревались предложить «выдающемуся социологу», железнодорожника, имевшего опыт организации работников железной дороги. Газеты вполне естественно задали два вопроса: 1. Достоин ли этот назначенец такого места? 2. Можно ли считать его социологом? Прежде чем заглохли отзвуки дискуссии, известный президент одного колледжа на востоке страны воспользовался случаем, чтобы в выступлении перед уважаемыми гражданами Чикаго связать звание «социолог» с ассоциациями вокруг понятий «чуждак» и «эксцентричный оригинал». Он сказал, что на его взгляд социологии нечего делать кроме как подбирать и суммировать крохи, оставшиеся после того, как всё важное в области

* *Small A.W.* What is a Sociologist? // *American Journal of Sociology.* 1903. №8. P.468-477.

© Ковалев Д., 2009.

© Центр фундаментальной социологии, 2009.

социальных фактов уже сделано политической наукой и экономикой. На этом основании чикагские газеты вновь подняли вопрос «что же такое социолог?», и некоторые из них показали понимание предмета, явно превосходящее понимание упомянутого учёного специалиста, который из кожи лез, чтобы поставить свои ограничительные заборы социологам.

Нас не заботит вопрос, будет ли железнодорожный механик лучшим арбитром по трудовым спорам, чем социолог. Он может быть или не быть таковым в зависимости от множества обстоятельств. Не спрашиваем мы и о том, насколько высокой оценки заслуживает социолог во мнении других людей. Это вопрос, который сам собой решится со временем. Но было бы совсем неплохо для социологов иногда выносить себя непосредственно на суд публики, дабы понять, какой кажется обычным людям их роль в делах мира сего. Социолог может выглядеть или не выглядеть в глазах других людей важным членом общества, но его место в нём вполне возможно так определить, а его работу так описать, что даже президенты колледжей сумели бы научиться говорить о нём вежливо и умно.

Пока примем в общих чертах, что социолог – это человек, который изучает социальные факты *неким определённым методом*. Не всякий занимающийся общественными явлениями становится социологом, в любом случае не в большей степени чем каждый лудильщик и кузнец может считаться физиком, каждый повар и мыловар – химиком, а каждый садовник и животновод – биологом. В каком-то смысле каждое из этих практических занятий составляет проходную фазу в развитии соответствующей науки, с которой оно наиболее тесно связано. В таком смысле и по степени вторжения в научные области производственного рабочего можно называть физиком, химиком, биологом и т.д. Если в подобном свободном применении терминов есть хоть какой-то резон, то точно такая же логика распространяется и на причастность обыкновенных работников социальной сферы к термину «социолог». Печатник может быть ещё и государственным деятелем, но мы не называем на этом основании искусство набора текстов искусством государственного управления. Аналогично, организатором какого-то профсоюза может быть социолог, но организация рабочих союзов – это всё-таки не социология. Заслуживает или не заслуживает данный человек звания социолога зависит от степени, в какой он использует «определённый метод» изучения социальных фактов, который ниже будет описан подробнее.

Это, конечно, вопрос меры, большей или меньшей степени наличия чего-то. Здесь не идёт речь о различии между абсолютно непохожими явлениями. Мы не в состоянии провести произвольную границу, по одну сторону которой люди – государственные деятели, учёные или художники, а по другую – нет. Каждый из нас даже в своей повседневной работе немножко и государственный деятель, и учёный, и художественная натура. То же самое можно сказать обо всех жизненных занятиях. К примеру, вряд ли возможно закрепить термин «коммерсант» только за одним, отличным от всех прочих разрядом или классом людей. Продавец шнурков или арахиса на углу улицы по некоторым элементам своего поведения такой же коммерсант, как и директора Ост-Индской компании. Мальчишки, спекулирующие «экстренными» выпусками газет, по-своему не меньше «финансисты», чем мистер Морган со своими грандиозными операциями. Все такого рода различия между людьми – это различия в степени интересующего нас качества. Градации превращения дилетанта в человека науки подчиняются общему правилу.

Продолжим наши рассуждения тезисом, что социолог – это человек, который изучает социальные факты *как философ*. Без сомнения, большинство чувствуют или думают подобно одному из типических героев Джордж Элиот: «Философ – последний вид животного, на которое я согласился бы походить. Я нахожу достаточным просто жить, не путаясь в ложных объяснениях жизни». При всём уважении к мнению большинства, мы вынуждены настаивать, что такая оценка страдает неточностью. Философ – это человек, которого не удовлетворяет познание какого угодно явления самого по себе. Он хочет узнать, как каждое явление соотносится и уживается с другими явлениями. Здесь все явления предполагаются

относительными. Могильщик в «Гамлете» и диккенсовский Сэм Уэллер – это маленькие и Бэконы, и Канты, и Гегели, хотя мы называем их «философами» только в юмористическом смысле. Немало людей философствуют выше уровня этих литературных типов и всё-таки не понимают достаточно много вещей, почему их мысли не заслуживают присвоения истинно философского ранга. Такие люди находят «связь времён» распавшейся в тысяче измерений. Некоторые из них пытаются исправить мир. При этом они, каждый на своём месте, могут действовать умно или глупо. Но в любом случае имеется так же много и так же мало причин для именования их социологами, как и для называния «политологами» изобретателя машины для голосования, или учредителя системы регистрации прав на владение землёю, или главу административного округа. Такие люди могут быть, а могут и не быть деятелями политической науки. Частная, конкретная работа, которой они занимаются, не доказывает ничего. Но существуют индивиды, способные совмещать и объединять в своём мышлении ещё больше явлений и намного убедительнее демонстрировать его философский дух. Они занимаются фактами, которые регулярно появляются в разных науках вместе, как бы семейством. Это могут быть науки о материальных объектах, вроде астрономии или геологии, и могут быть науки о людях, как история или экономика. Для хорошей работы во всех этих науках требуется относительно высокий уровень философских способностей, но люди нередко действуют в этих науках так, словно абстракции, которые каждая из них преимущественно использует, достаточны и замкнуты в самих себе, не нуждаясь в настройке применительно к менее интересным аспектам целого, из коего они были извлечены. Например, было немало историков, которые довольствовались исключительно выяснением того, что происходило «на самом деле». Они так узко смотрели на свою работу, что изучение подлинно случившегося в истории казалось им более важным, чем выяснение того, достойно ли это изучения. Было много экономистов, прибавивших нечто к знанию правил, которым должны следовать нации, чтобы увеличивать своё богатство, и потому полагавших, будто тем самым они учли всё ценное, что имеет смысл для благополучия наций. И деятели политической науки часто разрабатывали принципы правления, довольствуясь объяснениями политической машинерии как цели в себе и не тревожа себя вопросами о конечных целях, для коих всякое правление есть лишь средство. Учёные описанного типа работают с некоторыми из тех фактов, которые изучает и социолог, но в подходе к ним они проявляют так мало философского духа, что остаются собственно только узкими специалистами. Однако есть и такие историки, экономисты и политологи, которые пытаются выяснить связи между фактами, специально изучаемыми ими, и всеми другими фактами, встречающимися в человеческом опыте. Эти люди по существу философы, и только второстепенные различия, обусловленные разделением труда, а не принципиальные родовые различия отделяют их от социологов.

Из сказанного доселе следует, что на звание «социолога» имеют право все, кто изучает общество, кто думает о человеческой жизни, прошлом, настоящем и будущем как о так или иначе связанных процессах; и кто старается понять любой частный фрагмент человеческой жизни, который случится изучать, разбирая его отношения и взаимовлияния со всеми остальными проявлениями человеческой жизни. Очень многие думают о социологии просто как о претенциозном переименовании посещения и опеки трущоб. Они полагают, что социология большей частью интересуется некоторыми из наименее успешных или нежелательных элементов общества. Они считают её погрязшей в планах улучшения условий жизни наёмных рабочих или возящейся с пауперами и криминальными элементами. Такое понятие о социологии поощряют люди, занимающие видные академические позиции, которым следовало бы знать вопрос лучше неакадемической публики. В этом взгляде столько же истины, сколько в представлении, будто химия занимается исключительно ядами, процессами гниения и дурными запахами. Каждое человеческое призвание, от возделывания почвы до написания эпических поэм и основания этнических религий, интересует социолога прямо пропорционально важности роли, которую это конкретное призвание играет в драме жизни в её целом. Социолог – это человек, который в наше время науки пытается занять то

место, которое в века метафизической спекуляции занимал старомодный философ. Если вспомнить, что прежние философы метались между сократической общедоступностью и платоновским идеализмом, то нас не должно удивлять разнообразие видов социологов, какие будут упомянуты ниже. Социолог пытается рассматривать жизнь с точки зрения, которая даёт возможность обозревать всё, что только позволяет нам узнать наука о фактах человеческой жизни в их совокупности; и независимо от его специальных занятий в системе разделения труда, социолог старается настроить их на познание жизни в целом, как она видится с высот упомянутой точки зрения.

В таком случае род «социолог» включает очень много видов. Особи одного из видов занимаются исключительно самыми широкими обобщениями, какие только можно извлечь из открываемых наукой социальных фактов. Они усердно трудятся, опираясь на позитивную философию наблюдаемого человеческого опыта вместо всех философий, строящихся на предвзятых мнениях о жизни общества. В меру того, насколько удачно такие социологи сумеют обобщить и понять смысл изучаемых фактов, они, возможно, помогут вскоре облегчить и улучшить условия жизни для каждого. Но они не приносят непосредственной практической пользы ни одному среднему человеку, и, похоже, будет лучше для всех, если в профессиональных вопросах этот тип социологов и средний человек продолжат идти своими раздельными путями и оставят друг друга в покое. Отныне и очень надолго всем будет лучше оттого, что Чарлз Дарвин спокойно продолжал свои исследования в течение жизни целого поколения, не требуя аплодисментов публики и не отвлекаясь на писания, которые эта публика могла бы понять и принять. А между прочим, тысячи людей каждый год применяли на практике то, что давно было известно о материальных условиях жизни растений и животных, но без пользы для развития биологии. Оба эти рода людей делают своё дело, и подобным же образом сосуществуют сферы деятельности и для генерализующих социологов, и для практических социальных работников, которые имеют лишь смутное понятие о человеческом обществе в целом и которых, следовательно, правильнее не называть социологами.

Далее, существуют социологи, которые работают над осмыслением некоторых малых моментов социальной деятельности, ну, скажем, какой-то проблемы в психологии социального действия. Общая идея социальной жизни объединяет их со всеми остальными социологами, но их положение в системе разделения труда заставляет заниматься лишь какой-то деталью в строе этой жизни. Такие люди, быть может, тоже в конце концов помогут сделать каждый дом, ферму и лавку более удобным местом для жизни, но пока им практически нечего предложить широкой публике напрямую, а публике им. Их труд, подобно труду ранее описанного типа социологов, должен войти в общее употребление сквозь фильтр соответствующих модификаций, которые этот труд будет постепенно порождать во всех разветвлениях социальной науки и практики. Несколько лет назад мы с другом посетили профессора Вирхова. Мой друг страдал от некоего функционального расстройства и думал, что прославленный патолог пропишет ему какое-то средство лечения. Когда мы объяснили цель нашего визита, Вирхов поднял над головой обе руки в знак протеста: «Да ведь я не выписывал рецепты уже двадцать лет и не отважусь на это сейчас!» И тем не менее в мире нет ни одного хорошо образованного врача или подготовленной сестры, которые за эти двадцать лет получили медицинские дипломы, на чьё поведение в больничной палате не повлияли бы труды профессора Вирхова. Если социологи двух описанных типов реализуют хотя бы часть своих надежд, то их результаты окажутся в аналогичном отношении к социальной практике. Достаточно широко и сильно они будут влиять на общество через практические приложения, осуществляемые работниками других родов занятий.

Кроме вышеперечисленных существуют социологи, которые предпочитают называть себя или психологами, или историками, или экономистами, или политологами, но их истинную классификацию определяет факт, что они, сознательно либо бессознательно, работают со строго социологических позиций. Иные из них откровенно именуют себя

социологами, но работают в основном над психологическими, историческими, политическими, экономическими и прочими проблемами, и всё же всегда руководствуются социологическими принципами организации своей работы. Первая группа особенно интересна учёным, открыто признающим себя социологами, ибо вопреки себе представители этой группы оправдывают аргументацию в пользу социологии. Они более или менее сознательно принимают все принципиальные заявки, выдвинутые социологами. С усердием новообращённых они начинают твердить, что тот аспект социальной деятельности, которому они уделяют основное внимание, можно правильно оценить только при условии его рассмотрения как одного из элементов в контексте всех остальных сторон жизни. А это решающий пункт социологической позиции. Использование его в качестве некоторого корректива к любым обследованиям социальных фактов – это тот предварительный мыслительный шаг, какого социологи требуют прежде всего.

Далее, встречаются социологи, непосредственно заинтересованные в каких-то безотлагательных конкретных улучшениях, скажем, в религии, образовании, индустриальных отношениях, политике, криминологии или благотворительности. Они хотят немедленно выяснить, что и как надо делать для этого. Они желают усовершенствований во всём, что составляет полноту жизни, и выбирают для приложения своих специальных усилий какую-то определённую область практической деятельности. Этот вид социологов по многим своим чертам сильно отличается от социологов первого и второго видов. Но общее родовое свойство всех упомянутых типов социологов таково, что они делают свою работу с позиций и в духе вышеописанного подхода. Генерализующий социолог производит свои обобщения в конечном счёте с оглядкой на все конкретные случаи, имеющие к ним какое-то отношение, а конкретный социолог осуществляет свои конкретные детализации с учётом всех общих истин, что сумели сформулировать социальные философы.

Конечно, возможны подделки под каждый из этих типов социологов, но то же самое верно для всех специалистов. В этой стране не существует патентования научных званий. Любой акробат на проволоке и любой оператор мозолей волен нарекать себя «профессором». Каждый заклинатель змей или гадалка могут заполучить звание «психолога». Каждый торговец панацеями для изничтожения правительственной коррупции может прославиться как «деятель политической науки». Каждый изобретатель универсального средства для искоренения нищеты может объявить себя «экономистом». И увы!, любой из перечисленных людей, если это лучше тешит его фантазию, может рекламировать себя в качестве «социолога». Вероятно, пройдёт много времени, прежде чем обыкновенная публика или даже все президенты колледжей научатся правильно проводить границы между дутыми и подлинными социологами, подобные границам, разделяющим шарлатанов и настоящих научных работников в более старых профессиях. А пока наша задача – работать согласно нашим же собственным научным стандартам и заставить качество нашей работы говорить само за себя, помогая отличать социологию от подделок под неё.

В пределах каждой из упомянутых групп социологов по мере расширения исследований характерных для них проблем методы должны быть такими же критическими, результаты относительно настолько же заслуживающими доверия, как и в любой более старой науке. Утверждать или подразумевать обратное было бы провинциализмом, от которого учёные в других областях знания всё сильнее хотят избавиться.

Вышеуказанные публичные дискуссии подняли ещё одну проблему, заслуживающую внимания. Некоторые из наиболее умных редакционных статей о работе социологов энергично порицали жаргон, на котором социологи выражают свои мысли. Их авторы жаловались, что социологи используют язык, который обыкновенные люди не понимают. Редакторы нашего *ЖУРНАЛА* часто получают письма читателей с теми же жалобами. Надо думать, что в этих упреках есть доля справедливости, однако есть и другая сторона медали, которую непрофессионалы недооценивают, но относительно которой профессиональные исследователи не должны позволять сбивать себя с толку. Научная дискуссия никоим образом не сводится просто к задачам риторики и к выразительному изложению чего-то

готового. Часто она бывает существенной частью процесса получения, выработки того, что надо выразить. В ней пробуют определить новую реальную область деятельности там, где непрофессионал даже не подозревает о существовании какой-то проблемы. В ходе такой дискуссии рискуют выдвигать и испытывать на прочность тезисы, отражающие атаки компетентных критиков. В ней возможны гипотезы, нуждающиеся в проверке, и предварительные обобщения. Хотя бы потому, что она содержит обобщения, будь то обоснованные или вводящие в заблуждение, научная дискуссия выходит за привычные рамки обыденных рассуждений. То есть, и предмет её и суждения о нём выходят за горизонт повседневного умозрения. Следовательно, независимо от точности их выражения в дискуссии, они не дают ясного образа умам, не привыкшим к такому расширению кругозора. Если научные суждения выражать так, что они приобретают больше смысла для непрофессионала, то язык может потерять те самые элементы, которые несут специфический и своеобразный смысл этих суждений для специалиста. Конечно, прямое оскорбление всеведущей демократии – объявлять, что не каждый человек способен быть таким же компетентным специалистом, как любой другой в столь знакомом предмете, как человеческое общество. Конечно, если средний человек не усваивает полного значения какого-то социологического вывода, то это вина социолога, который формулирует его. И тем не менее, довольно долгое время будет необходимо мириться с тем, что люди, действительно продвигающие знание вперёд, продолжат говорить на языке, который ничего или мало что скажет профану. С одной стороны, не дело профана жаловаться на это, а с другой стороны, если профан так поступает, специалист не имеет оснований слишком серьёзно учитывать такие жалобы. Но каковы бы ни были их грехи неудобопонятности, американские учёные повинны в более тяжких грехах из-за неуёмной жадности производить впечатление на публику. Преждевременные игры с идеями ради популярности имеют гораздо более печальные последствия, чем таинственная техничность языка. Ведь в конце концов научные задачи исполняются быстрее и лучше, если учёные общаются исключительно с людьми своего научного ранга, пока убеждая только друг друга, что им есть чем обмениваться. Поэтому мы имеем достаточно времени, чтобы избавиться от технических излишеств и запустить новое знание в общий оборот.

Действительно опасные преступления, совершаемые от имени социологии, – это подстрекательские призывы в форме, находящей быстрый отклик в массовом чувстве, когда за этими высказываниями нет настоящего знания о жизни общества. Они передают другим людям определённые впечатления, но это – попросту безрассудно неосторожные воззвания к предрассудкам. Серьёзная социология строит обдуманнные планы дискредитировать такие призывы и найти достаточное основание для общественного мнения в комплексном анализе социальных фактов. Детали этого анализа не предназначены массе. Они покажутся ей академичными и педантичными. Без сомнения, они и будут такими в значительной степени, как это было в истории почти всех других областей знания. Но в итоге здоровое неразрушительное знание распространится скорее и прочнее путём обсуждения нерешённых проблем на техническом языке науки, чем парадом упрощений, которые соблазняют публику думать, будто открытые вопросы закрыты и ответы найдены.

Острота нужды в профессионализме варьирует в разных подразделах социологии. Наиболее велика она среди социологов первых двух названных типов и наименьшая в четвёртой группе. Вероятно, представители последней меньше раздражают публику чрезмерной непонятностью своих терминов, чем скромностью своих выводов. Публика нетерпеливо жаждет того, чего никогда не сможет дать ей серьёзный социолог. В обществе всегда есть спрос на свежие лекарства от социальных болезней при относительно вялом интересе к социальной гигиене. Любой мог бы запросто прославиться как социальный пророк, обнародовав план, как покончить с правительством. Если же кто-то просто укажет практически реализуемый путь улучшения работы правительства, то прежде чем его услышат, может быть упущено время целого поколения. В любой момент привлечёт широкое внимание новый способ уничтожить частную собственность. Но осуществимый

план более справедливого налогообложения потребовал бы долгой и бессмысленной борьбы только за возможность объяснить его. Крестовый поход за сокрушение «трестов» всегда популярен и никогда не испытывает недостатка в сочувствующих наблюдателях этой забавы. Серьёзный анализ проявлений несправедливости и своекорыстия в деятельности корпораций и предложения оздоровительных мер публика встречает в лучшем случае безразличием, а как правило – оскорбительным пренебрежением. Тот, кто обещает покончить с преступлениями, если только общество примет социализм, слывёт государственным деятелем и провидцем среди людей, всегда готовых принимать визионерские обещания за чистую монету. Человек, предлагающий вполне доступные средства устранения обстоятельств, провоцирующих к преступлениям, или профилактического обезвреживания преступных наклонностей прежде чем станет слишком поздно, проповедует чересчур общие места, чтобы увлечь радикальное воображение. На одного думающего найдутся тысячи людей, готовых клонуть на очередные универсальные рецепты всеобщего счастья. Социолог, который вместо угождения требованиям прописать быстродействующие и всеизлечивающие лекарства от социальных болезней призывает публику думать, обрекает себя на долговременную изоляцию.

Заключительная рекомендация для ответственных социологов сводится к тому, что когда мы достигаем результатов, которые созрели для массового потребления, наш долг распространять эту новость как можно шире и самым простым и доступным языком. С другой стороны, хотя социология никому не нужна, если она не способна чем-то обогатить со временем жизнь среднего человека, пока нашей главной задачей остаётся разработка правильных и точных формулировок социальных проблем и обоснованных методов их решения. Нас не должны отвлекать от этого ни шумные требования быстрых результатов, ни невежественные ложные представления о наших целях. Наше главное дело – изучать общество методами, которые опробованы и одобрены компетентными судьями.

Худший враг социологов – это отсутствие научного терпения. Жажда известности без какого-либо вклада в развитие знания – вот клеймо псевдоучёного. Подлинное исследование, каким бы медленным и долгим ни был процесс достижения результатов и каким бы мелким ни был результат в каждом конкретном случае, в своё время заслужит признание и справедливую оценку настоящих социологов, как и всех других работников на ниве науки.

Перевод с английского А.Д. Ковалёва